

Бремя созидателя

Автор:

Дмитрий Охотин

Бремя созидателя

Дмитрий Леонидович Охотин

Попасть в мир собственного произведения – незабываемое приключение! Главный герой романа оказывается в написанной им же фантастической книге про "попаданца". При этом путешествия автора находятся очень далеко от сюжетной линии созданного произведения. Испытать сочиненный тобой мир на прочность, вдохнуть в него дыхание жизни, изменить все критические ошибки, понять, что суровая действительность бывает даже в фантазиях – удел всех писателей.

Дмитрий Охотин

Бремя созидателя

Глава 1. К чему приводят фантазии

Когда тебя увольняют с любимой и комфортной работы, кажется что разрушилось само основание мира. Ты пытаешься доказать что нужен, что твои знания, опыт и умения принесут колоссальную пользу, но спотыкаешься о глухую стену. Решение принято, а сильные мира сего крайне редко идут на попятную.

Еще более сложно вести диалог с собой. Устоявшийся образ жизни разом превращается в прах, ты застреваешь в текстурах этого мира, в голове туман и бардак. А главное: твой темный советник – гордость, вопиет, что ТЫ, САМЫЙ ЛУЧШИЙ РАБОТНИК, незаслуженно уволен. Как они не увидели блистание моего совершенства? В душе кипит досада и жажда мести. Хочется спалить контору, рассказать налоговой о махинациях начальства, сообщить жене директора о романе с бухгалтером, открыть миру все темные тайны этой организации. Но сил и решимости хватает только пнуть стоящий рядом с входом мусорный бак.

Так я стал безработным. Журналист с десятилетним стажем, обладатель дипломов и грамот самых разных уровней попал под сокращение в известном журнале, который вследствие перехода большей части подписчиков в интернет, перестал выпускать бумажную версию. Все статьи и материалы стали размещаться на сайте, раскрученном ловкими программистами и специалистами по директ-маркетингу. Что же, общество стало потребителем цифрового пространства. Оно бесплатно готово предоставить любые объемы информации по интересующей теме.

Я поплелся домой опустошенный, хотя за три месяца был предупрежден о сокращении, но до последнего веривший в чудо. В коллективе я был свой в доску. Шутил шутки, поддерживал беседы, веселил на корпоративах, ходил с сослуживцами в соседний бар каждую пятницу, помогал всем кто просит. Но, к сожалению, когда настал момент и я попал в списки под сокращение, никто не заступился за меня. Каждый боялся за свое место. По пути со своего кабинета с пакетом собственных вещей, я лишь встречал виновато потупившиеся взгляды. Не будем судить их, мы всего лишь люди, а они найдут тысячу причин для оправдания: семья, дети, ипотека и так далее и тому подобное.

Дома я в первый раз за долгое время напился. Живу я один в однокомнатной хрущевке. С девушками то складывается, то раскладывается. Долгие романтические романы выливаются в столь же бурные разрывы. То ли я такой, то ли девушки. Два-три года это стандарт моих отношений. Момент увольнения выпал как раз тогда, когда я зализывал очередную кровоточащую рану на сердце и это добавляло еще большую скорбь.

Мягкой кошкой подобралось в душе к его величеству – "Вниманию", ласковое, но токсичное до безумия саможаление. На фоне алкоголя, оно разрасталось красноречием и почти затуманило мозг. Так ведь сладко жалеть себя любимого! Но я усилием воли приказал Его Величеству переключится на первоочередные

задачи: подушки безопасности накоплено совсем мало, так как откладывать деньги стал, лишь только узнав о сокращении. Следовательно надо думать о поисках новой работы.

Раскидав по сайтам трудовых агентств и порталов поиска работы свое резюме, плюсом эту же телегу отправив в известные и не очень газеты, журналы, новостные и аналитические порталы, я почувствовал себя рыбаком, закинувшим удочки сразу во все океаны мира, и ждущего когда жирный тунец клюнет на одну из них.

Стряхнув с себя моральный груз по пословице "Делай то, что должен, и будь как будет", я принялся размышлять о жизни. Бокал с виски своими гранями отражал яркий свет от компьютера. Я подумал: "Что еще я умею? Какими гранями таланта наделил меня Бог?" И так. Стыдно признаться, но умею я только писать. Податься блогеры? Но сейчас их так много, что если плюнуть с балкона, все равно попадешь в одного из них. Завести свой новостной сайт или рекламное агентство? Тут нужно время на раскрутку и капитал для того чтобы минимум год жить без прибыли. Мой скудный разум просчитывал варианты дальнейших событий.

Тут, серфя в интернете, я наткнулся на ряд интервью обычных людей, ставших знаменитыми писателями. Люди, сидя за компьютером, ориентируясь на собственный внутренний мир, фантазируя образы, мысли и целые миры, опираясь на накопленный багаж знаний и драгоценные мысли авторитетных писателей прошлого, творили удивительные произведения. Расширяя литературное богатство нашей страны, авторы умудрялись зарабатывать неплохие деньги.

Два килограмма меркантильности и три тонны неуверенности в завтрашнем дне (а скорее всего в себе) зажгли во мне интерес к написательству. Ну а что, писал же десять лет статьи, очерки, эссе и интервью, от которых некоторые обыватели входили в интеллектуальный катарсис, а большинство проходила глазами еще раз, словно желая снова прочувствовать послевкусие поданной в изысканном виде, в общем-то, обычной информации. Это мое умение с завистью и неохотой признавали коллеги и очень ценил редактор. Но общий уровень текстов в СМИ сегодня упал настолько, что читать авторитетные издания и сайты, все равно что голодному слизывать с острой кромки консервной банки остатки тушенки – хочется получить информацию, но её подача ранит чувство прекрасного. Ну а если общий уровень понизился, зачем держать складно пишущего журналиста,

когда можно его работу отдать смазливый выпускницам, которые не только согласны на минимальную зарплату, но и воплотить в жизнь влажные мысли редактора.

Смотрю в монитор и думаю, что написать. Какой выбрать жанр и метод подачи, сюжет и мораль произведения. Наверно тот, который наиболее популярный а соответственно более монетизируемый. Проведя несложный анализ запросов поисковых систем и статистику просмотров тех или иных авторов, выяснил что российский читатель более всего увлечен жанром "Фантастика/Фэнтези", а если копнуть глубже то поджанрами "ЛитРПГ" и "Попаданцы".

Компьютерные игры для меня это Пасьянс, да воспоминания о восьмибитных Супермарио и Жабах. Так что ЛитРПг, думаю, не осилю. А вот Попаданцы это нечто ближе. Помню как зачитывался в детстве шедевром Марка Твена "Янки из Коннектикута при дворе короля Артура". После прочтения долго в моей фантазии развивались подобные истории, где я, главный герой, меняю историю своими героическими подвигами. Например, к осени 1941 года захватываю Берлин или тот же город падает в 1915 году под натиском русской кавалерии. Как открываю Америку за 100 лет до Колумба простым новгородским купцом или громлю османов под стенами Константинополя и восстанавливаю Византийскую империю в границах Юстиниана. Как храбро побеждаю Батыя под Рязанью и гоню его вплоть до Тихого океана, по пути отстраивая остроги, и в конце закладываю силами пленных монголов город Владивосток.

Улыбнувшись наивности детских фантазий, я принимаюсь за работу. Долго формирую скелет книги, основные сюжетные линии, характеры персонажей, главную идею и мораль произведения. Затем, перед тем как приступить к творчеству, обзваниваю родных и знакомых с просьбой меня не беспокоить – сам позвоню. Мол, секретное задание. Затем иду в магазин, закупаю необходимых продуктов на пару недель.

И вот, все замки заперты, шторы зашторены, большая кастрюля супа на неделю сготовлена и стоит на плите, запас воды, чайник, большая упаковка качественного чая и столько же сахара лежит возле компьютера. Можно приступать!

Процесс написания книги захватил меня полностью. Я погрузился в свои мысли и не замечал ход часов, дней и даже недель. Писал продуктивно, ибо дисциплина в журналистике гораздо строже чем в писательстве. Информация, как горячие

пирожки, имеет цену только в свежем виде. Поэтому писать в СМИ надо быстро, не отходя на перекуры и перекофе.

Оказалось что писать собственные произведения, опираясь на свой багаж знаний, очень даже легко. Это как открывать свой душевный мир – ручеек мыслей льется на бумагу, превращаясь в законченную вселенную. Меня раньше часто удивляло желание других долго-долго рассказывать о себе, не обращая внимания, слушает ли их собеседник. Им так становится легче. Такой же прием используют психологи, просто внимательно слушая своих пациентов. И вот из моей душевной бочки я вытащил затычку и стал поливать мыслями и образами в окружающий мир.

Так прошел месяц. Днями, а порой засиживаясь в писательском угаре до утра, я извергал потоки сознания. Текст был создан. Осталось его отредактировать и дать почитать знакомым. Сначала отдал его фрилансерам-корректорам, потом сам, а затем контрольную проверку совершил с помощью специализированных программ. Пара моих знакомых немного с удивлением отнеслись к моему новому увлечению, но все же взяли книгу на вычитку.

Прочитав, друзья, несмотря на несколько выявленных неточностей и логических ошибок, завалили меня положительными рецензиями. Проставляясь за их труд в одном ночном клубе, я выслушал от них массу лестных комплементов и поздравлений с впечатляющим дебютом на новой стезе.

Возвратившись под утро, решил, не откладывая дело в долгий ящик, загрузить книгу на несколько литературных интернет-порталов. Завершив все настройки я встал из-за стула и вдруг почувствовал что меня подхватила мягкая и нежная сила. Вокруг меня уже не было стен московской хрущевки, а обтекал со всех сторон необычный и плотный перламутровый туман. При этом он был ясный и чистый, в то же время мягкий на ощупь и податливый. Тело в этом тумане было максимально расслаблено, каждая мышца визжала от удовольствия, посылая позитивные сигналы в мозг от неземного комфорта.

В голове возникла естественная для каждого мысль: "Что творится?". Я витал в этом тумане наслаждений, в то же время понимая, что это не может быть реальностью. Клуб, компьютер, книга. А дальше вот это. Пьяный? Нет. Выпил так себе, запрещенных препаратов не употребляю. Всех своих бета-тестеров в более пьяном состоянии проводил до дома.

Если это действительно реально, то кто-то, как-то это сделал со мной. Я сказал вслух, особо не ожидая ответа и проглатывая нервный комок, самую банальную в таких ситуациях фразу:

- Где я?

Туман, до этого спокойный, вдруг за клубился. При этом действие было завораживающее и гармонично сочеталось услышанными одновременно с ним словами:

- Ты в хранилище миров.

Голос был спокойный, успокаивающий, при этом настолько приятный, что мне стало как то хорошо и легко на душе.

- А что это? - ощутив волну уюта и безопасности спокойно спросил я.

- Это структура мироздания, где хранятся все миры и вселенные, - сказал невидимый добрый голос и добавил таким же соразмеренным тоном, как умный дедушка рассказывает сказку любимому внуку. - Мысли каждого человека материальны, и когда люди пишут законченные произведения, описывают миры, творят в своей фантазии самодостаточные вселенные, они материализуются и становятся частью бесконечного пространства.

- Ты Бог? - озвучил я, всплывшую в сознании мысль.

- Нет, я всего лишь служитель - хранитель миров.

- Как я сюда попал?

- Это я тебя перенес.

- Зачем?

- Ты написал книгу. Сформировал четкий, самодостаточный, замкнутый мир со своими правилами, героями, структурой бытия. Они живут, взаимодействуют друг с другом и окружающей средой. Ты наделил их разумом. Теперь они готовы

стать частью нашего мироздания.

- Не понимаю.

- Видишь ли. Творческий потенциал человека создает удивительные, яркие, насыщенные вселенные. Каждая известная книга, фильм или компьютерная игра рождает своих героев, которые благодаря человеческой мысли воплощаются в пространстве. Не на Земле, а в более тонких материях и слоях. За тысячи лет истории вашей планеты были созданы миллионы уникальных миров. Вы даете жизнь самым поразительным объектам и образам.

- Ну, а я то здесь причем? - ошарашенный от подобной информации, непонимающе спросил я.

- Ты как никогда при всем. Ты создал замкнутый самодостаточный мир. Замкнутые структуры возникают только тогда, когда вся механика книги, фильма или игры может жить и взаимодействовать друг с другом и с окружающим пространством самостоятельно.

- Ну ладно, написал я книгу, создал, как ты выражаешься, замкнутую вселенную, а цель то моего пребывания здесь какая?

- Понимаешь, миры становятся живыми, только если их творец наделяет их жизнью. Ну ты вот, сидел писал, написал, выложил. Думаешь все? У тебя есть всего лишь безжизненный, бездыханный эмбрион. Это просто текст. Он не живет своей жизнью.

- Кажется я начинаю понимать.

- Да, да. Я могу видеть мысли и образы в твоей душе. Книг написано много, но только немногие становятся действительно живыми, популярными, о которых не забывают столетиями. Это те, из которых доносится дыхание жизни. Ты правильно мыслишь. Одну книгу возьмешь, и бросишь читать на второй странице, другая захватит и не отпустит до последнего слова. Шестеренки души плотно совпадают с живой сущностью книги, как морской осьминог, как лицехват из фильма "Чужой" они присасываются к сознанию становясь вторым я. Такие книги становятся популярными, ими зачитываются миллионы. Наслаждаются каждым мгновением. Ближе к концу чтения с грустью понимают,

что придется расставаться с ней. А по прочтении долго еще переживают содержимое.

- И как сделать книгу живой?

- Нужно её полностью прожить.

- Как это?

- Прожить жизнь в книге, наполнить её своей жизнью, испытать все то, что там происходит, почувствовать на своей шкуре всю опасность и действенность написанного собой же, опробовать всю механику сюжета. Религиозные мудрецы прошлого говорили: "Вы дадите ответ за каждое свое слово".

- То есть все авторы пережили подобное?

- Да.

- Достоевский, Гомер, Кастанеда...

- Да. Большинство о своем опыте молчали. Некоторые говорили об этом и их считали сумасшедшими, а потом они и по-настоящему сходили с ума. Печальные последствия писательства для не здравомыслящих людей с тонкой душевной организацией. Пережить на своей шкуре все злоключения своего героя, это то еще испытание.

- И как эти миры живут?

- Они развиваются в более тонких слоях мироздания. В таком находишься и ты. Живут дальше своей жизнью, происходят разные изменения, эволюции и революции.

- То есть я сейчас отправлюсь в собственное произведение переживать все злоключения моего героя? На это уйдут месяцы. Меня хватятся знакомые и родственники.

- В твоём мире не пройдет ни секунды.

- А если меня убьют или я сам умру от старости, не найдя верного пути?

- И такое бывает. Множество писателей "сгорели" на своей работе, умерли над своими произведениями, внезапно скончались без видимых причин.

- А можно не...

- Можно. Но твоя книга затеряется в хламе посредственных произведений. Люди только приступив к чтению, почти сразу потеряют к ней интерес. В ней не будет жизни, она не будет цеплять за душу. Все твои труды будут насмарку. Решать тебе.

Я вдруг отчетливо осознал, что вся моя жизнь до этого была пресная и скучная. Стерильная жизнь обычного журналиста: все идет по накатанной колее не зная ухабов. Порой теряешь счет времени. А ведь известный факт - чем спокойнее и размереннее жизнь, тем быстрее бежит время. И наоборот - те, кто живет насыщенной, яркой жизнью, для них время словно замедляется.

Я понял, что сделал выбор. Шанс прожить жизнь своего героя по-настоящему, воплотить в реальность придуманный мною мир дается не каждый день.

- Я согласен. Но у меня есть несколько вопросов, - уверенно сказал я.

- Охотно отвечу.

- Так будет с каждой новой книгой?

- Нет, только с такими, где тщательно продумана структура, механизмы взаимодействия и прочее. То есть самодостаточные, могущие стать автономными мирами. Незавершенные или неграмотно продуманные миры лопаются как мыльные пузыри почти сразу, вследствие внутренних неправильных процессов. А то, что принято называть классикой, бестселлером или другими эпитетами, живет и развивается. Так что все зависит от того как и что ты напишешь. Данная книга способна к жизни. Как будет обстоять дело с другими - только твоя работа.

– Условия для главного героя будут точь-в-точь как в книге? Все повороты сюжета и встречающиеся препятствия повторяют оригинальное произведение?

– Нет конечно! Это было бы слишком просто. У тебя черновой вариант своего мира. Войдя в него ты обнаружишь много нового и более интересно. Возможно придется полностью менять сюжет. Ты в курсе, что большинство писателей, создав книгу, иногда кардинальным образом перетряхивали все содержимое: сюжет, характер персонажей, пейзажи и прочее. В итоге получалось абсолютно не похожее на оригинал чтиво. А кто-то и вовсе сжигал свое произведение, как Гоголь, побывав в во вселенной "Мертвых душ", и поняв, что людям этого лучше никогда не читать. Именно поэтому только прожив книгу изнутри ты понимаешь что лучше убрать, а что добавить.

– А я с тобой могу разговаривать, проживая книгу?

– Нет. Ты там окажешься один, совсем один.

Глава 2. Недружелюбный мир

Холодно и скучно. Только так можно двумя словами охарактеризовать полярную тундру. Челюсти отбивали сложный ритм чечетки, а тело колотило ознобом. Я, в тоненькой цветастой рубашке, льняных штанах и несурзных кедах лежал на мхе посреди бескрайних северных просторов. По ощущению была либо весна, либо осень. Температура где-то чуть выше нуля. Мутное, затянутое беспросветной мглой небо давило гигантским прессом на сознание.

А ведь главный герой моей книги в оригинале оказывается в более теплых широтах, при этом на протяжении всего повествования не разу не обратив внимание на температурные условия. Вот так поворот! В голове красным цветом пульсировала мысль: надо в первую очередь согреться. В карманах абсолютно пусто, туристических рюкзаков с палатками, запасом тушенки и теплых вещей за спиной не имелось. Вот потеха то будет: умереть в самом начале книги!

Вокруг меня, на сколько хватало глаз, стелился махровый ковер типичной растительности тундры: карликовые березы, мхи, лишайники, ягоды. Где-то

вдалеке растительность становилась более высокая. Наверно ивы. Каких либо других высоких деревьев в тундре не встретишь. И что характерно, они почти всегда растут возле водоемов. Значит проблема жажды пока не грозит.

Я побежал, стараясь сохранить равномерный бег. Надеюсь согреться и, заодно, не запыхаться. Так-то я спортивный парень. С юности хожу в спортзал. Но дружба со спортом является сезонной. Каждый год, примерно с февраля по май, покупаю абонемент в фитнес-клуб. Постепенно наращиваю нагрузки, по своей, годами отработанной технике, к лету становлюсь достаточно спортивным. Убирается живот, мышцы наливаются заметным рельефом, дыхалка готова к двухкилометровым забегам. И все: далее мой внутренний спортсмен уходит в спячку еще на год.

Поэтому мне удастся более или менее сохранять атлетичный тонус тела. Очередной такой период закончился два месяца назад, так что я вполне спокойно преодолел легкой трусцой несколько километров до зарослей ивы. Согрелся немного, но мозг соображал, что драгоценные калории придется где-то восполнять, а ягодами особо не напитаешься.

Предположение о водоеме подтвердилось. Рядом с зарослями ивы протекал чистый, прозрачный ручей, какими изобилует русский север. Он был действительно красив. Будь я туристом, непременно сфотографировал его для страниц в социальных сетях. Чистая, прозрачная вода стекала по таким же чистым белоснежным камням перемежающимся черными, зелеными и рыжими камушками. Но мне было не до красот. Первым делом я глотнул воды. Она была холодная, чистая и очень вкусная. Это придало мне сил.

Все так же актуально стояла первоочередная задача согреться. Если мир, в который я попал, похож на нашу планету, сейчас в тундре может быть как утро, так и день, и даже ночь. Поэтому нужно скорее обустроить себе временное убежище и устроится на ночлег. Ива, росшая по берегам ручья была максимум в три пальца толщиной, так что серьезных строений не построишь. Да и не было для этого никаких инструментов.

В итоге, ободрав все руки и получив ссадины, удалось построить что-то вроде привала. Самую толстую иву я переломил в сторону спускающегося под 45 градусов берега. Выламывать полностью от ствола не стал, так что она стала каркасом жилища. Сломанные с других деревьев ветки тоже слегка переломил под прямым углом и положил на каркас изломом кверху. Затем богато обложил

крышу ивовыми стеблями с листьями, чтобы максимально сохранить тепло. Также накидал листьев вовнутрь, сделав лежанку.

Теперь нужен костер! Я понятие не имел как это сделать без спичек и зажигалки. Отдыхая под крышей убежища, максимально напрягал память. Трение древесины о древесину, искры удара камня о камень, лупа или очки под солнцем, молния ударяющая в дерево, граната летящая в поленницу дров. Нет, нужно исходить из того что имеешь.

Я решил попробовать с камнями. Нашел два увесистых, хорошо входящих в ладонь камня с шероховатыми гранями. Собрал трут из мелких сухих веточек, засохшего мха, коры сухих побегов ивы и карликовых березок. Тщательно все измельчил, и стал высекать искры. Они получились слабыми и совсем не стремились зажигать легко воспламеняющийся материал. Сломал ноготь и один раз очень больно, до гематомы, повредив палец, я понял что выживальщик из меня никакой.

Попробовал добыть огонь энергичным кручением сухой палочкой по засохшему пню. После появившейся за полчаса мозоли на левой руке бросил и это дело. В итоге оборвав все мелкие ветки с листьями в радиусе десяти метров набил свое убежище ими почти до крыши. Закопавшись туда полностью, как в стог сена, почувствовал что потихоньку согреваюсь. Листья и ветки были естественной преградой холоду. Так я и вырубился в сон.

Проснулся от громкого волчьего воя. Он раздавался достаточно далеко. Вокруг стояла чуть менее светлая, чем день, полярная ночь, и я, укутавшись в согревающие стебли, снова задремал, не подумав об опасности.

Снова я проснулся от того, что кто-то стягивал мой правый кроссовок. Инстинктивно я поджал ноги, полностью укрывшись в зелени сорванных побегов. Снаружи зарычали. Я осознал, что это те животные, по-видимому полярные волки, кто ночью выл, нашли его, и, наверняка, хотят сытно позавтракать. Как же быть? Сон как рукой сняло, мысли начали прокручиваться быстрее.

Острые морды, голодно щерясь, тыкались в острые побеги ивы пытаюсь достать такую близкую и манящую плоть. В то же время ясно чувствовался страх перед человеком – видимо здесь тоже бывали люди. Что делать я не особо понимал.

Вылезти наружу – смерти подобно. Оставаться – голодная смерть. Надеяться на чудо или то, что стая вдруг устанет ждать – верх инфантильности. Судя по читанным в детстве произведениям Джека Лондона, а ему, как практику, не стоит не доверять, волки могут неделями ждать свою добычу. При этом с каждым часом собственные возможности гасли, ибо голод все больше давал о себе знать.

Лихорадочно соображая, я не заметил как волки тихонько заскулили. Они больше не обращали на меня внимания а, пятились в сторону покатога берега, пытаюсь как можно дальше отойти от него. Что-то явно пугало их в ручье, притом пугало смертельно.

В своем стоге из ивовых побегов я не видел почти ничего, но я не мог не почувствовать как справа почти все источники света померкли. Яростный предсмертный визг раздался где-то над головой. От неожиданности и страха я зажмурил глаза. Надо мной резко пронеслась мощная туша невидимого чудовища. Капли чьей-то горячей крови обрушились на импровизированную крышу моего убежища, мелкими струйками просачиваясь сквозь листву.

Теперь я действительно стал по-настоящему бояться. Житель города, я никогда не считал себя крутым. Да, бывало дрался, давал сдачи гопникам, мог прыгнуть с высоты в море, ходил с диггерами по подземельям. Но это был какой-то цивилизованный круг опасностей, к которому я был готов с детства. Но сейчас... Я просто умирал от страха, когда ощутил стаю волков пару минут назад. А теперь, когда этих волков методично пожирают, я просто оказался в полнейшей панике. Кто это!? Что это!? Хранитель миров, я хочу домой! Плевать на книгу, плевать вообще на все деньги, плевать на славу! Лучше с бомжами делить выброшенные из супермаркета просроченные продукты, чем самому догнивать в меж гнилых зубов какого-то чудища.

Тут я сквозь панику понял, что лучше не шевелится. Словно вмерзший в растительность, я полностью обездвижил все конечности усилием воли. Снаружи уже не было слышно бойни. Где-то далеко, видимо на безопасном расстоянии, все еще выл волк, наверно оплакивавший свою стаю. Возле реки слышалось подозрительное шуршание, и это больше всего напрягало. Если не насытившись стаей волоков этот кто-то, почувствует его, то быть ему десертом для твари, вишенкой на торте.

Сверху стало темно: громадная туша закрыла и так блеклое сквозь тучи солнце. Я зажмурился, представляя как окажусь съеденным кем-то, кого не вижу. Но тут же резко, в мгновение секунды, тень туши пропала.

Еще полчаса я лежал заставляя себя поверить в то, что еще жив, и максимально напрягая органы чувств, старался почувствовать кто есть рядом. Волки отнюдь не беспечные создания, но кто-то их застал врасплох, что уж говорить обо мне. Уцелевший волк свободно воет вдалеке от ручья, возможно и мне там стоит находится.

Я, лежа на спине стал двигаться вверх по обрыву. Тихонько приподняв уроненную макушку ивы, служившей мне опорой каркаса для импровизированного шалаша, я, все так же спиной, максимально тихо стал выбираться на верх покатого берега. Тихо и медленно, просчитывая каждое движение, я полз спиной. И, почти выбравшись на границу крутого берега я увидел эту тварь: большая, с бугристыми узлами мощных мышц, змееподобная тварь медленно и лениво уползала в ручей. Отношением длинны тела к ширине она была гораздо меньше обычной змеи. Тело диаметром 1,5 – 2 метра, имело длину метров 7-10 метров. Но бугристые мышцы заканчивались множеством конечностей размером с человеческую руку или ногу, которыми, по-видимому отталкиваясь от земли, тварь могла прыгать с бешеной скоростью. Головы я не видел – она уже была под водой.

На собственный вопрос, почему меня не слопали, когда я пил воду из ручья, сразу был получен ответ. В ручье имелся характерный почти идеально круглый участок заполненный водой. То, что он был темный, говорило о большой глубине участка. Видимо, именно в таком и жила данная тварь. К счастью, место, где я совершил водопой и построил убежище было в метрах пятидесяти ниже по течению. Почему же она проигнорировала процесс постройки ночью, но заметила волков утром, оставалось тайной. Видимо тварь тоже любит поспать, и поспать крепко.

Медленно, почти уже находясь на спасительном берегу, я продолжал двигаться. Но, как это бывает с неудачниками вроде меня, в последний момент нога соскользнула с камня и тот полетел с громким, казавшимся звуком лавины, грохотом. Тварь резко прекратила движение и чрезвычайно быстро для такой туши выползла на берег. Я замер, охваченный животным ужасом. Голова твари представляла нечто среднее между мордой крокодила и змеи. Из большого рта, в котором поблескивали огромные зубы торчал раздвоенный язык. Я

действительно остолбенел, находясь в крайне неудобной позиции. Напряженные мышцы ныли, а тварь в это время смотрела в упор. Тут я понял: она реагирует на движение.

Несколько десятков минут в напряженном ожидании для меня протекли как вечность. Тварь просто застыла всматриваясь в источник звука. Эта попытка, соревнование выносливости человека и плотоядного, хищного инстинкта убийцы закончилось не в мою пользу. Я дал слабину, расслабив руки, и в это же мгновение поняв, что если не мобилизирую все ресурсы организма, меня наглым образом слопают.

Я, работая как заправский скалолаз, двигал руками и ногами быстрее чем вентилятор. Краем глаза заметил как тварь со скоростью новенького Бугати за пару мгновений оказалась рядом. Волосы встали дыбом по всему телу от первородного ужаса. Поток гормонов, придавал мне такое ускорение, что я не замечал события. Я уже бежал по тундре, но мне казалось что это чудовище вот-вот захлопнет пасть на моей голове.

Остановился я тяжело дыша, кажется в километре от берега. Упал в мягкий ковер мхов, брусники и карликовых берез. Резко обернулся назад, выставляя руки, но позади никого не было. Видимо водное чудовище недалеко уходит от ручья. С чем это связано – непонятно, да и не хотелось изучать.

Я лежал тяжело дыша, наслаждаясь каждым вдохом. Те кто был на волосок от гибели, знают как это – дорожить глотком воздуха, секундой прожитой жизни. Только лишь в покое мы теряем ценность жизни.

Где-то совсем рядом завыл волк. Видимо один остался от стаи. Сейчас я был для него легкой добычей, содрогаясь от судорог тяжелой цены мобилизации всех ресурсов организма. Но полярный охотник горевал лишь о своей стае, наверняка полностью оказавшейся в утробе твари.

Надо было что-то делать дальше. Где находятся стороны света я так и не узнал, да и не факт, что я нахожусь на Земле. Здесь теплые края могут быть, допустим, на востоке, а холодные на западе и наоборот. Да и вообще, может эта планета одна сплошная тундра или то место, где он находится является самым жарким, эдаким тропическим раем по сравнению с остальными. В общем, голова шла кругом от предположений, но физические законы, как он заметил, действуют те

же, что и на родной планете. Соответственно, нужно искать возвышенность, чтоб выбрать нужное направление для дальнейшего пути.

Вокруг даже не намек на горы или даже холмы. Но как я помнил с урока географии, как правило ручьи и реки текут с возвышенностей и гор.

В итоге, после недолгого внутреннего диспута, я решил идти против направления течения ручья. Естественно, близко не приближаясь к нему.

Холод, голод и жажда теперь все настойчивее стучали в мозг. Надо было озаботиться этим. Делая перерывы в пути, я ел редкие ягоды брусники, черники и голубики. Еще реже попадалась морошка. Видимо все-таки стояла осень, значит совсем скоро жди снег и лютый холод. Я еще больше заскучал о своей теплой и беззаботной жизни в маленькой хрущевке!

Часов восемь я брел на расстоянии полукилометра от ручья, ориентируясь по его бодрому журчанию. Я все больше мерз, и все больше хотел есть. Из возможных объектов охоты были пронырливые лемминги, но пока до употребления грызунов я морально не дошел. Летали какие-то птицы, пробежали полинявшие песцы, в общем блеклая тундровая живность, которую при моем уровне истощения и технической оснащенности поймать просто нереально. Сюжет написанной мной книги вообще не совпадал с тем, что я испытывал на своей шкуре. Там на главного героя как из рога изобилия сыпались плюшки и изливалась благодать. Он с помощью, теперь уже кажущихся наивными, действий стал супергероем, завоевал любовь и уважение всех. Детский лепет!

В голове от таких размышлений родилась мысль: только пережив все тяжкие своего повествования, поймешь что ничего так просто не дается, ни в настоящей жизни ни в фантазиях. Все имеет свою цену. Личным опытом отсекается легкомысленная беллетристика от качественных произведений. И, скрепя зубы, переживая бешенную лихорадку и всепоглощающий голод, я шел дальше.

Почти падая я добрался до груды огромных камней. Они были круглые и странные. Я привалился спиной к одному из них. Сил на анализ структурных особенностей геологических пород не было. Сидя и тяжело дыша, я постепенно ощутил тепло от камней. Мозг вяло соображая вдруг услышал легкое шевеление. Обернувшись и внимательно рассмотрев камни я, вдруг замер, переваривая полученную информацию. Это были яйца, огромные яйца. С рост

человека. Того, кто мог отложить эти яйца, мне даже не хотелось представлять. Срочно, очень срочно нужно было ретироваться от туда.

Но голод все же перетянул меня на свою сторону. Передо мной лежало яйцо. Да большое, но это все же вполне диетический продукт. Я нашел не шевелящееся, наверно свежее яйцо и со всей дури ударил ногой по нему. Скорлупа была толстенной, так что я скорчился от боли. Обозрев небо и не увидев опасности, я взял большой булыжник и с размаху кинул в яйцо. Оно лопнуло и из него полилась прозрачная, тягучая жижа. Мне вспомнилось блюдо "балтушка", сделанное из сырых яиц и хлеба, перемешанных друг с другом. И жадно стал есть эту жижу, нисколько не расстраиваясь отсутствию хлеба. Съеданное, а скорее выпиваемое действительно было восхитительно на вкус. По ощущению желудка это было лучше любых произведений пятизвездочных поваров. Эх, была бы тара! Заполнить бы этим белковым раствором пару полторашек.

Всегда знал об удивительной силе материнского инстинкта, и тут он тоже сработал как часы – гигантская тень, показалась вдали. Нисколько не сомневаясь, что вижу отца или мать семейства, я яростно соображал куда скрыться. В голове родилась безумная мысль. Я резко бросился бежать. Мчался со всех ног, но тень гигантской летающей не то птицы, не то птеродактиля настигала гораздо быстрее. Её ужасный рев пронзал округу.

Я бежал со всех ног, надеясь что мой замысел осуществиться. У меня не существовало других шансов выжить. Я сделал резкий рывок с покатога берега, ощутив сзади близкое зловонное дыхание летающей твари, своим клювом уже почти зацепившее мою голову. Птица, а это была именно птица, с перьями, с характерными пропорциями тела, похожая на орла, разворачивалась на новый заход.

Я глазами искал идеальный круг в ручье и не находил его. Попал! Как я попал! В душе вдруг вспыхнуло острое чувство ярости на самого себя и на свою судьбу. Нет! Я в своем собственном придуманном мире, и ничего не могу поделать?

Я рванул вдоль берега со всей возможной скоростью. Кожей задней части тела я чувствовал настигающую птицу. Она неумолимо и быстро сокращала расстояние. Что-то похожее на гигантскую воронку в ручье показалось совсем близко. Я резко, плашмя упал на живот и мгновенно замер. Птица, сбавляя скорость и приземляясь, замахала крыльями. Она была крайне огромной, имея размер не менее пяти человеческих роста.

В тот момент, когда её лапа коснулась земли из ручья резко выпрыгнула тварь – полукрокодил, полузмея. Вблизи она была еще гаже. По всему телу росли конечности, очень похожие на человеческие руки. Их были десятки, если не сотни. Чуть-чуть промахнувшись мимо горла, водная гадина вцепилась в зоб птицы своей огромной пастью, словно острый бур проедавая плоть. Притом маленькие конечности-руки рвали, били, царапали, выдергивали перья. Это было страшно и крайне эпично: десятки конечностей, не останавливаясь, совершают работу аппарата по общипыванию кур.

Птичка, тоже была не лыком шита. Она, несмотря на повреждения, умело работала клювом, нанося земноводному обширные раны. Кроме этого, встав на одну лапу, она огромными когтями на другой вспарывала брюхо гадине.

Бой может закончиться в любую пользу, и победитель обратит на меня внимание, поэтому следовало максимально быстро ретироваться с места схватки. Сперва я достаточно быстро перебрался через ручей. Моя надежда на то, что земноводная тварь – одиночка, к счастью, оправдалась. Далее, я дал деру так быстро, как только мог. Гиганты за спиной не заметили улизнувшего человека, им явно сейчас было не до него.

Глава 3. Хождение по мукам или погребенные заживо

Два дня я плелся по унылому пейзажу тундры. Вымотанный, голодный и холодный, одну ночь я хотел было переночевать в вырытой самим же собой яме. Накрывшись скудными побегами карликовых берез и мха, ощущая себя покойником, я замерз до каждой клеточки тела. Это просто невыразимое чувство – хронический холод.

Ни сна не отдыха не получилось, и я снова отправился в свой скорбный маршрут. На второй день я увидел горы. Знания географии все же не подвели меня. Теперь я уже шел рядом с полноводной рекой, которая на моем пути разделялась на множество ручейков и речек.

Но самое интересное обнаружилось под вечер. Недалеко от берега виднелся остов большой лодки. Доски истлели, но хребет был сделан из прочных брусьев.

На половину своей длинны судно заволокло песком. Видно было, что находится оно здесь не один десяток лет.

Находка меня обрадовала необычайно. Значит в этом мире есть разумная жизнь! Или по крайней мере была. Но радость была тусклая, так как в голове по прежнему красными большими буквами били три слова: еда, тепло, сон. Провырнувшись по округе нашел истлевший кусок парусины, настолько хрупкий, что я боялся разворачивать его, чтоб не порвать. Скелет лодки находился в ста метрах от реки и, видимо, её русло за последние годы изменилось. Значит, возможно, она когда-то стояла на берегу, и есть шанс, что где то поблизости есть какие-нибудь следы жизнедеятельности людей.

Наступали ночные яркие полярные сумерки, я падал с ног от усталости, холода и голода, и понятия не имел как организовать ночлег при такой температуре. Я знал что сон на холоде без теплых вещей или костра, это 99%-ый шанс не проснуться, поэтому держался из последних сил.

Я шел перпендикулярно от берега и обнаруженной лодки и ничего не замечал. С каждым шагом, надежда на чудо угасала и возникало, пока еще терпимое, но все же осязаемое отчаяние. Смерть кажется эфемерной, её нет для нас даже когда умирают родные и близкие. Очень хорошо пела по этому поводу группа Сплин: "Думают люди в Ленинграде и Риме, что смерть – это то, что бывает с другими, что жизнь так и будет крутить и крутить колесо".

Но, как только она покажется из-за угла, и ты начинаешь играть с ней в "гляделки" один на один, возникает внутренняя паника. Мне понравилась фраза из фильма "Загадочная история Бенджамина Баттона". Когда умирал капитан корабля, подстреленный в бою с немцами он сказал замечательные слова: "Можно злиться, проклиная судьбу. Можно материться. Но когда понимаешь, что это конец, нужно смириться". Вроде простая фраза, но настолько глубокомысленная.

Вот и сейчас, мысленно уже подготавливая себя к неизбежному концу, я запнулся о неожиданное препятствие. Странный, явно не природный холм, с правильными контурами. На нем росли ягоды и мох. Где-то в сознании всплыла догадка и возник лучик надежды. Я стал копать, срывая ногти, и сняв буквально десять сантиметров почвы обнаружил доски. Они были сырые, трухлявые, легко ломающиеся но все же доски. Предположение похоже начинало сбываться.

Я встал посредине холма и стал прыгать. Со стороны показалось бы, что я сошел с ума. Действительно, в такой безнадежной ситуации только и остается, что отказаться от реальности происходящего и слететь с катушек. После седьмого прыжка я ощутил щекочущее чувство свободного падения. Больно поцарапав руку, я упал на что-то твердое, сверху полетели комья земли и досочная щепка.

Предположение подтвердилось: это был заметенный песком, как и лодка на берегу, дом. Внутри было темно, и сыро. Но достаточно тепло. Тщательно все обшарив руками, я обнаружил, что с юга, со стороны гор стена была обрушена и наполовину дома растеклась куча песка. Поэтому свободного места в доме оставалось половина квадрата разделенного диагональю. Стояло что-то вроде печки или очага, шкафчики, и... кровать. Целая кровать, хоть и сырая, но с одеялом, пледом и подушками. С отвращением обнаружил внутри кости. В голове возникла картина, как чей-то труп медленно гнил, высыхали кости, все постельные принадлежности пропитывались трупным зловонием. В итоге найдя, какое-то покрывало, я накинув на кровать, я улегся спать.

Ни снов, ни кошмаров от соседства с безымянным скелетом, я не чувствовал. Даже проснувшись, обнаружил себя укутанным в одеяло – видимо ночью так замерз, что неосознанно погрел все моральные убеждения и залез под одеяло к останкам человека. Но только сообразив это, быстро встал, отряхиваясь и отплевываясь. Снаружи, через дыру в крыше, светило редкое в тундре в это время яркое солнце, очерчивая предметы в доме.

Кровать являла собой обычную лавку, только более широкую. На ней лежали шкура животного, покрытая грубой простыней и одеяло из пуха. Песком, завалившем половину пространства дома, была покрыта небольшая печка. Но самым интересным выглядел шкаф, стоящий между печкой и кроватью. Вчера, из-за отсутствия света, мои поиски ограничились минимальными результатами. Но теперь я надеялся найти более стоящие вещи.

И не ошибся. Внутри висела шикарная дубленка. Паразиты, вследствие отсутствия воздуха, до нее не добрались. Я наверно даже покраснел от жары, предчувствуя как её надену, и исчезнет хронический холод. Немного большая – но лучше больше, чем меньше. Грубо сработанная шапка из песцового меха и натуральные пимы. Проблема с холодом решена!

Далее, при осмотре шкафа обнаружилась нижняя одежда, скребки, заколки и прочая мелочь. В нижнем шкафу я нашел кроткий нож. Стальной, с прочной

рукоятью и даже не заржавевшим за это время лезвием. Видимо особая сталь, а может и другой металл. На самом видном месте лежало также кресало и кусок кремня – еще одна радостная находка, способная значительно облегчить жизнь.

Увидел зеркальце. Всмотревшись, не узнал себя. Проветренное, осунувшееся, обросшее лицо землистого оттенка, такие я встречал только на фотографиях пленников ГУЛАГа. Еще в шкафу обнаружили истлевшие от времени бумажки с надписями, иглы и нитки, пару медяков, видимо местная монета, и прочая житейская чепуха не представляющая для меня пользы.

Укутавшись в дубленку, я стал размышлять. С холодом, возможно удалось справиться. Со сном, тоже вроде все понятно. Сделаю из шкуры на кровати спальный мешок с помощью найденных ниток, плюс шуба, шапка и сапоги станут хорошим подспорьем в борьбе с холодом. Да и к тому же мне теперь доступен огонь, с помощью кресала. Теперь главная проблема это пища.

Наличие ножа, дает неплохой шанс раздобыть пропитание, но в условиях тундры, при том, что основными жителями её являются гигантские птицы и сторукие водные земноводные, шансы весьма призрачные.

Очень хотелось остаться в этом доме. Тепло, безопасно, но стать еще одним набором костей в будущем – была самая яркая перспектива. К тому же судьба этого дома наглядно повествует о нелегких геологических и даже тектонических взаимоотношениях здешних поселений с окружающей средой. Видимо, десятки лет назад, огромная лавина песчаников накрыла поселение и превратила их в людей, медленно умирающих в своих саркофагах. Если представить эту эпическую картину, то волосы на теле становятся дыбом!

С трудом я выбрался из отверстия в крыше. Если это было поселение, следует поискать еще здания и сооружения. Холмики от заваленных крыш стояли сплошь и рядом. Их было штук десять. Видимо это было небольшое рыбацкое поселение. Как они могли уживаться с теми хищными тварями, непонятно. А о скольких опасностях, которые поджидают его в тундре, он и не знает еще?

В итоге обыскав все дома я обзавелся массой полезных вещей: большой топор, стеганные утепленные штаны, большой лук с колчаном стрел и четыре прочные тетивы, рыболовные снасти, небольшой сундучок с золотыми монетами, прочная веревка, несколько пустых бочек, два гарпуна и мощный крюк.

Связав все это мешковиной из простыней в качестве импровизированной разгрузки, я навешал на себя, как мне казалось килограмм двадцать. И, чувствуя гораздо увереннее, чем вчера, я отправился к реке, в надежде порыбачить. Осознавая опасность от сторуких земноводных тварей, коих в открытой воде может быть несоизмеримо больше чем в ручейках, старался найти высокий обрыв над рекой и залечь неподвижно в процессе рыбалки.

Обрыв отыскался в двух километрах от погибшего поселка. Подползя к нему, я осмотрелся. Потоки воды шумно уплывали прочь от гор, видневшихся вдали. Никакой опасности я не увидел, но при этом очень хотелось есть. Голод, буквально затмевал рассудок, гася инстинкт самосохранения. С крутого скального обрыва я скинул длинную тонкую веревку, с привязанным к ней крючку с наживкой из вырытых в земле крупных червяков.

Притаившись я тихо ждал, в натяжении веревки угадывая поклевку. И вдруг меня резко тряхнуло! Да так, что я вцепившись в снасти, почти наполовину свесился с обрыва. Что-то гигантское, плавающее в реке потащило, веревку с крючком и наживкой. Еще ничего не соображая, я инстинктивно отпустил веревку, и она махнув на прощание кончиком исчезла в водной толще. Проводив ее полным досады и голодного разочарования взглядом, мне ничего не оставалось, как только влезть обратно. Но взгляд зацепился за нечто интересное.

Река, своим потоком медленно разрушала монолитную скалу. Глыбы гранита под действием стихии время от времени падали вниз, обнажая все новые и новые толщи горных пород. И похоже, обнажили то, что кто-то старательно скрывал в толщах земли. В двух метрах ниже обрыва виднелся небольшой проход. Правильные формы и утопанный пол, показывали на рукотворность увиденного, а не причудливую пещеру природного происхождения.

Мне стало до зубовного скрежета стало интересно, что же там такое. И, с помощью веревки я спустился вниз, надеясь потом, по ней же взобраться наверх. Коридор был достаточно широкий, чтоб в нем могли идти два человека. Чем дальше я шел, тем плотнее меня окружала тьма. Вокруг не было ни одного источника света или того, что могло бы им стать. Достав из-за спины один из двух гарпунов, я, с помощью ножа, отщепил лучину из деревка. Затем с помощью найденного в доме богатого, по-видимому рыбака, кресала смог зажечь тонкий конец щепы.

Вокруг более-менее прояснилось, но в душе витала жуткая смесь любопытства и страха. Вдруг сейчас меня сожрет огромный червяк, проделавший этот ход, или налетят зомби, а может гигантская крыса своими желтыми зубами откусит мне голову. Я достал на всякий случай топор, но потом подумав что в тесном коридоре это не лучшее орудие, отправил его обратно за пояс и вытащил из-за спины гарпун.

Пройдя около тридцати метров я уперся в разветвление. Направо находился, как мне виделось издали, огромный зал или полая пещера, налево был тупик с большой железной дверью. Основательно проржавевшая, она представлялась монолитной стеной каждому, кто хотел бы её открыть.

Я отправился на право. Пространство оказалось огромным залом. Крохотная лучина, подходившая к концу, высвечивала на тщательно обработанных стенах гобелены, картины, изображения людей в причудливых одеждах, вычурные флаги и гербы. Посредине зала стоял большущий стол. Но был он каким то странным: не плоским, а выпуклым вверх как линза. Лишь по середине была небольшая ниша, от которой к краю стола вели каналы-углубления. Вокруг стола стояли тринадцать массивных кресел, больше похожих на шикарные троны. И к каждому из них вел этот канал-углубление в сферическом "стол".

Непонятная конструкция навевала нехорошие мысли о своем предназначении. Разгадка наступила тогда, когда я залез на верх стола и увидел, что выемка сверху выполнена в форме человеческой фигуры.

"Стол для жертвоприношений!" – воскликнул я. Похоже, когда жертва истекает кровью по этим каналам лились потоки крови всем тринадцати сидящим за тронами. Представившаяся мне картина была ужасающе ужасна. Именно так. Меня аж передернуло от противоестественной картины. Какой кровожадный народ мог так поступать? Картина жуткой казни меня немного испугала, и мне не хотелось бы оказаться в роли истекающей жертвы.

Но все предметы были покрыты сантиметровым слоем пыли и было похоже что лет сто здесь ничего не происходило. В голове сразу возникла аналогия с домиками рыбаков. Возможно и здесь постаралась стихия, а этот зал лишь часть какого-то замка или богатого, дома, а может и языческого капища, где местные крестьяне совершали жертвоприношения своим идолам.

Что-то показалось в дальней стороне зала и быстро юркнуло обратно. Я мигом побежал следом. Если кто-то от тебя убегает, значит явно тебя боится и не представляет серьезной опасности. Пробежав по коридору я увидел зажавшегося в углу и пытающегося залезть в тонкую, явно прогрызенную щель в двери, маленького беленького человечка, лысого и сгорбленного, с выцветшими глазами. Я схватил его за ногу, и тот моментально, с завидной резкостью вцепился мне в руку. У меня мгновенно сработал инстинкт и я врезал кусаке по морде. Маленький человечек сразу же вырубился.

Первым делом я связал ему руки и ноги за спиной. Вторым – осмотрел странное существо. Это был полностью голый, с выцветшей и тонкой кожей, сгорбленный мужчина. Он был весь тоненький и какой-то жалкий.

Далее я отправился изучать коридор. К нему примыкали четыре двери и в каждой был прогрызен маленький вход, точно такой же в какой пытался забраться мой пленник. Я толкнул одну из них, и она свободно открылась. Это навело меня на мысль о том, что мой пленник либо безумен, либо полностью потерял человеческий облик. Зачем грызть проходы в дверях?

В комнатах я нашел массу интересного. Большой меч, рукоять которого была инкрустирована бриллиантами и изумрудами, доспехи с вычурными вставками из самоцветов, большой сундук с золотом и какими-то бумагами, золотые чаши и кубки. В отдельной весьма странной комнате я увидел коллекцию каких-то непонятных кубических предметов стоящих в подставке, где каждый кубик был разного размера но стоял на своей подставке.

В третьей комнате я увидел светящуюся одежду. Мне показалась она радиоактивной, но какая, к черту, радиация в мире где совершают жертвоприношения и бьются мечами и топорами. Но если одежда продолжает светиться столько лет, значит в ней есть какой-то секрет. Ну, а в четвертой, вообще обнаружилась огромная свалка костей, видимо жертв жертвоприношений. Еще стоял сосуд с блестящей зеленой жидкостью и два странных предмета, напоминающих нечто среднее между большим циркулем и большими ножницами.

Обойдя комнаты, я насобирал кучу полезного, и при этом задался вопросом: как это все унести. Единственным выходом было оборудовать здесь тайник и в более лучшие времена вернуться за добром. Но сперва, нужно было поговорить с пленником.

Через полчаса, тот стал подавать признаки жизни. Я немного похлопал его по щекам, и тот посмотрел на меня более осмысленным взглядом.

– Кто ты? – спросил я, не особо надеясь на понимание, ведь то, что издает мой рот, может быть для пленника набором звуков. Но сморщенный уродец вдруг крайне выразительно с понятливым выражением посмотрел на меня. В своей книге-оригинале, из-за которой теперь испытываю неземные страдания, я сделал язык, на котором общаются все герои и персонажи книги одинаковым – русским. И теперь я надеюсь, что хоть этот параметр моего изначального произведения останется таким же.

– Не бойся, я не причиню тебе вреда, – сказал я более мягким, дружелюбным тоном.

А может он вообще не говорит или интеллектуального развития человекоподобного существа хватает только на то, чтобы грызть двери и вычесывать на себе блох.

Но пленник вдруг сказал на чисто русском языке:

– Я Едмир Залдон, – произнес он это тихо, с нескрываемым страхом глядя выпученными глазами на меня. – Я двенадцатый наследник Ярокарского княжества, властелин священных земель Ульвии и Зола. Протектор Северных территорий Торгата и Лоргата.

– Ух ты, – я чуть не расплакался – первое говорящее существо, при том делающее это на родном языке. Я даже стал испытывать симпатию к тщедушному человечку. Неужели все обитатели этой планеты такие сморщенные, горбатые, тоненькие и страшные?

– Ну а что ты тут делаешь? Чем занимаешься? – спросил я с максимальным дружелюбием.

– Это мой дом, я здесь родился, вырос.

– В смысле как родился? Ты не пришел сюда откуда-то, но всегда здесь жил? – я действительно недоумевал.

Тот хлопал глазами не мог понять, что я хочу спросить.

– А сколько тебе лет? – начал я с другой стороны

– Раньше когда жили мои родители, мы считали годы по таинственному ящику который показывал на цифры коротким и длинным мечами. Когда они умерли мне было 32 года. А потом мечи стояли на своем месте и я потерял счет годам.

– Ты не разу не выбирался наружу?

– Мать с отцом говорили мне, а им, в свою очередь, передали дед с бабкой, что снаружи очень опасно. За девяносто пять лет до того как мне исполнилось 32 года поселок, где жили мои предки накрыл гнев богов. Горы низвергнули всю свою ярость на нас, уничтожив наших рабов, лишив нас жертвенной крови.

– Что такое жертвенная кровь? – я захотел выяснить о жестоких ритуалах, которые происходили в этих стенах

– Каждую весну мои далекие предки совершали жертвоприношение юной девушки, чтобы умиловить грозного Бравомира, повелителя стихий. И в одну из весен, все юные красавицы, обязательно девственницы, зная какая их ждет участь, сбежали от нас со степными варварами, пришедшим с востока грабить богатую страну Стардакунда, что лежит южнее. Тогда все наши старейшины стали плакать, резать глаза для пролития слез из крови, по старинному обряду. Бравомиру ведь каждый год тринадцать старейшин относили тринадцать кубков в Колодец Гнева. А как раз тогда нечем было умиловить богов. Поймали самую молодую, но уже родившую женщину и провели обряд. Отнеся тринадцать чаш в Колодец гнева, уже на следующее утро предки получили ответ Бравомира. Стометровая стена песка накрыла нашу плодородную долину. Мои пращуры, коронованные наследники укрылись в храме, и с тех пор мы здесь живем.

– Ну так, знали же с кем связались! – цинично произнес я, не особо веря в эту ахию с Бравомирами и Колодцами Гнева. Совпадение природного катаклизма неизвестного генезиса и отсутствие у легкомысленных молодых желания добровольно сдать кровь на более чем странные ритуалы – наиболее вероятная версия.

Анализируя сухость, бледность, горбатость карлика, я понял, что за десятилетия без света кожа истончилась, мышцы и суставы усохли и скрючились. Сам Едмир больше походил на бритого на лысо под лезвие орангутанга, чем на человека.

– А как тебя зовут? Откуда ты? – живо поинтересовался он.

– Я Миша, из Москвы, столицы России, – ответил я прекрасно осознавая, что для пленника это будут пустые фразы. Тот поморщился, будто от сильной головной боли, но потом так же уверенно заявил:

– Значит издалека. Родители о такой стране не рассказывали.

– Еще как издалека.

– Развяжи меня, а то суставы затекли. Я смотрю ты не собираешься убивать меня или есть. А так лежать мне очень тяжело.

Действительно в разговоре с бледным Едмиром, я совсем забыл, что он лежит связанным. Освободившись тот сел на корточки внимательно изучая меня своими через чур большими, серыми глазами.

– Ну че уставился, дай что-нибудь поесть! – спросил я, вспоминая свою хроническую нужду. Тот поковырявшись в мешочке за поясом достал несколько еще шевелящихся земляных червей и сороконожку.

– Вот возьми! Только у меня мало, с утра я еще не искал еду.

Я с отвращением поморщился. Видно что бедняга искренне полагает, что делится со мной своим рационом, я решил его не расстраивать и сказал:

– В той стране откуда я родом, не едят такие блюда.

– Мне больше нечего тебе предложить, – сказал Едмир, смачно пережевывая эту гадость. Посмотрев с каким аппетитом он это делает, я подумал, что такими темпами, тоже скоро перейду на такую же диету.

– Ты здесь один живешь? – спросил я.

– Сейчас да. Раньше нас было много. Бабушка, дедушка, двоюродные бабушки и дедушки умерли когда я был совсем маленький. Отец и мать, шесть дядей и восемь тетей умерли когда я был уже взрослым, а мои братья и сестры, кузены и кузины, по одному умирали или исчезали в Колодце Гнева. Совсем недавно я потерял своего брата, его убил Уур, когда тот хотел сходить на разведку, туда, где обвалилась в реку западная каменная стена, откуда и ты пришел. А еще раньше не стало моей любимой кузины, Кродиш забрал её, когда она собирала еду за запретной дверью. Так я остался один.

Его печальные глаза наполнились слезами, и он стал похож на типичного героя, нарисованного в стиле Манго.

– погоди, кто такие Уур и Кродиш?

– Уур очень большой и голодный, – Едмир опасливо посмотрел по сторонам и вжал голову. – У него длинные щупальца. Когда западная стена обрушилась в реку, он стал своими щупальцами периодически рыскать в проходе в поисках жертвы. Сам он слишком большой и не может сюда забраться, а те кто близко подходили к краю, часто становились его жертвами.

Я подумал, как хорошо, что этот Уур не заметил его, пока он лез в пещеру.

– Кродиш не такой большой, но очень цепкий и ядовитый, – продолжил еще более низким тоном карлик. – Это злой дух, он как будто воплощается из воздуха за запретной дверью и может забрать любого в царство мертвых без следа.

Последние слова были произнесены усиленным шепотом и наполнены таинственностью, так в пионерских лагерях рассказывают страшилки, чтоб напугать слушателей.

– А где эта запретная дверь и колодец гнева? – я слушал Едмира словно пугливого наивного ребенка, верящего в ночные приведения и бабу-ягу. Если в Уура еще можно поверить, поскольку сам сталкивался с тварями и похуже, то уж в злых духов, а в особенности ядовитых, никак не мог.

– Запретная дверь находится в дальнем коридоре, в который можно попасть через комнату с костями моих предков, а Колодец гнева находится за большой ржавой дверью там, где обвалилась в реку западная стена.

Я вспомнил неподъемную, заржавелую дверь, и комнату с костями и странными сооружениями. Тут я подумал еще про одну деталь моего приключения, о которой почему-то забыл спросить у Хранителя миров: как мне вернуться назад, в мою хрущевку, как избавиться от уже надоевшего приключения. Если финал моей книги абсолютно непредсказуемый, то что должно произойти, чтоб я попал обратно. Может быть посетить эти комнаты – и все, я освобожден от тяжелой ноши проходить всю книгу, сюжет которой изменился столь круто, я бы даже сказал это было абсолютно другое произведение? Где заветный выход в реальный мир? Как можно досрочно прекратить всю эту компанию?

Походу придется соваться во все щели и перекрестки, пробовать изучить все загадки и тайны. Зайдешь за эту дверь, а тебя убьет какой-то злой и страшный Кродиш, а если не зайдешь, возможно будешь плутать всю жизнь по своему миру, так и не найдя выхода.

Но с другой стороны, он и так хотел здесь оставить тайник, а теперь знает о том, что возможно здесь есть то, что стоит проверить тогда, когда он больше узнает об этом мире. Как то сыкатно становилось от того, что вот сейчас умрешь от неизвестной напасти. Когда нападали злобные твари, я не делал выбор, я просто спасался. Сейчас же самому, пусть и по рассказам этого карлика, мне нужно самостоятельно идти, в пусть и не достоверную, но все же опасность. Я не супергерой, я простое дитя рафинированной цивилизации. Подраться с кем-нибудь на кулаках, да даже в нынешних реалиях на мечах – это еще более менее, но вот выходить на бой против загадочной твари, о которой не знаешь ничего, и в первый же миг подохнуть от неизвестного приема или яда. Это же не компьютерная игра где, можно пересохраниться перед дверью.

Я решил, что буду действовать по другому.

– Ты собираешься здесь оставаться?

– Я не хочу никуда уходить, – его и без того большие глаза расширились, став похожими на два блюдца. – Нет, нет только не заставляй меня с тобой идти. Я здесь вырос, здесь же и умру.

Его по началу уверенная речь превратилась в нытье.

– Слушай, тогда я уйду ненадолго, – перебил я причитания Едмира. – А позже приду.

– А может ты останешься, – вдруг престав хлюпать носом с надеждой попросил он. – Вместе не страшно, и можно еды добывать в два раза больше.

– Не скучай, я скоро приду. Только ты охраняй вон ту комнату, – сказал я, показывая дверь, за которую отнес все найденные драгоценности. Немного нагло было просить владельца семейных реликвий заставлять хранить отобранные у его семьи вещи. Но было видно, что Едмир ни капельки не предавал ценности всем этим богатствам.

Глава 4. Брат познается в беде

Как я и думал, выбраться из жилища Едмира оказалось достаточно легко. Не рискуя связываться с Ууром, я взобрался по груде песка на этаж выше. Как и в домах рыбаков, обрушившаяся стихия выдавила двери окна, сплошной горкой. Так перебираясь с этажа на этаж, я достиг чердака, как мне показалось, достаточно большого здания, что-то типа ратуши или зажиточного поместья. По пути нашел еще пару интересных безделушек: золотые кольца, браслеты, наконечники стрел, веревку, старую карту местности и так далее. Часть припрятал тут же, часть взял с собой.

Взламывать крышу пришлось осторожно, чтоб тайник не стал местной достопримечательностью. Обстучав все возможные места, я нашел то, где легче всего сделать небольшое отверстие. Природа такая штука, что может нанести кучу песка или земли на одно место, а может ветрами полностью оголить место рядом.

Осмотревшись вокруг, я увидел поляну из кустарников и смело ринулся раскапывать себе проход. Лаз, я заботливо прикрыл слоем грунта и мха, а также посадил сверху маленький кустик. Пусть растет, и не вызывает никаких подозрений.

По карте выходило, что до ближайшего населенного пункта около 60 километров. Но можно ли верить старой карте составленной больше века назад? Может уже рядом разросся мегаполис, а может наоборот – все люди давно вымерли или истребили друг друга.

Я, как и планировал, пошел на юг к горам. Если по поводу поселений на карте, я относился скептически, то по очертаниям гор, рек, болот, лесов мне кажется мало, что серьезно изменилось за век. Нужно было найти людей. Как то обосноваться среди них, и уже дальше думать, что делать потом. Это задача минимум.

Задачей максимум становилось возвращение обратно. Пусть даже без всемирной популярности, пусть без денег в виде авторского гонорара, но домой. В теплую квартиру, на уютный диван с телевизором, за компьютер с новостями и социальными сетями. Выпить пива, закусить жирной чехонью, включить хороший кинчик... У меня даже зубы свело от такого удовольствия, вроде бы надоевшей обыденности.

Другой вопрос, пугавший меня больше всего, а что если я останусь здесь навсегда. Сюжет изменен кардинально, то чем заканчивалась книга-оригинал, в моей ситуации недостижимо, потому что нет тех условий и предпосылок. Теперь я прямо в полной безысходности. Ни целей, ни задач, ни возможностей.

Я даже немного сбавил темп передвижений из-за грустных мыслей. И тут краем глаза увидел движение. Тундра просто хороша в плане обзора опасностей – видно далеко. Я упал на землю, всматриваясь в даль. И увиденное мне показалось за гранью фантастики: по тундре мчались десяток наездников, но мчались они не на лошадях, а на медведях. Приручить медведя!? В цирке он нет-нет да проявит свой характер, а то и загрызет нерадивого дрессировщика. А уж при длительном использовании он просто должен скинуть наездника и сожрать его. Уж слишком свободолюбивый мишка от природы. Поэтому даже цыгане и работники цирка стараются особо не раздражать косолапого.

Но отряд мчался во весь опор, догоняя одинокого всадника на лошади, и при этом мчались они в мою сторону. Я сперва подумал уйти с пути процессии, но рассчитав скорость движения погони и свою, понял что не успею. Тогда энергичными действиями я стал рыть яму, чтоб максимально замаскировать себя. В итоге перед приближением колонны всадников на разных видах животных, я лежал укрытый шкурами, взятыми в качестве защиты от холода в

домах рыбаков и родственников Едмира. Конечно я не стал примером идеальной маскировки, но все же, если не присматриваться, вполне, можно проехать мимо, не заметив укрытие.

Выглядывая из под карликовой березы, я увидел, что преследуемый уходит чуть вправо, а не прямо через мое убежище. Это несколько успокоило.

Преследователи заметно отставали. Медведи хоть и быстрые животные, но на дальних дистанциях они заметно проигрывают в выносливости лошадям.

Но тут (наверно преследуемый оказался в радиусе моей невезучести) его кобыла споткнулась, и он кубарем прокатился метра три, прежде чем, держась за ногу, стал ползти дальше. В отряде преследователей раздался торжествующий гул. Упавший полз, стараясь достать лук из-за спины, а расстояние между ним и погоней все уменьшалось. Лошадь, оправившись, поскакала дальше, спасаясь от инстинктивно опасных медведей.

Жертва погони находилась метрах в пятидесяти от моего укрытия, и я с печалью соображал что, вот-вот настанет её печальный конец. В глубине души боролись два чувства – чувство самосохранения шептало съезжиться и засесть как можно глубже в своей норке, но совесть пробивалась звонким голосом, пытаюсь заставить помочь. Ну кто он мне, ну какие у нас шансы против десятка людей, и тем более против десятка медведей?

Не слушая голос здравого смысла, который стопроцентно обещал мне полную сохранность при условии моей полной трусости, я выскочил из своего убежища и побежал к упавшему войну. Тот сперва принял меня за врага, но я, безоружный подполз к нему и принялся оттащить его к своему невыразительному убежищу.

Это был молодой парень с густой рыжей шевелюрой, бледной кожей и насыщенными голубыми глазами. Телосложением он был атлетичным, а ростом огромным, поэтому мне пришлось тащить его преодолевая себя. Парень осознав во мне союзника, похоже особо не сопротивлялся, но и не помогал. Он был занят натягиванием тетивы на лук.

Наш маленький отряд все таки дополз до моего укрытия, а орда наездников на медведях была уже почти рядом. Я, неуклюже, вытаскивая гарпун, как оружие дальнего боя, сильно замешкался в тряпье своих одеяний. И тут же получил

сильный удар по голове откуда то сзади. Сознание отключилось, и я погрузился в полную тьму.

Очнувшись, я первым делом, почувствовал себя крайне скверно: голова болела, сознание было спутанным, сильно тошнило, тело ломило от сильной усталости. Я не мог открыть глаза от тягучей, разливающейся тяжести по всему телу. Непередаваемое состояние, возникающее от полного изнеможения. С трудом открыв глаза я увидел полную темноту вокруг. Руки и ноги двигались так, словно меня били не меньше часа, причем очень сильно. Ощупав окружающее пространство я заметил, что нахожусь в тесном сыром пространстве.

Тут накатило: я вспомнил о последнем фрагменте своей памяти и осознал, что, скорее всего я в тюрьме или темнице, в общем, там, где и нужно находится человеку, влезшему в не свою разборку. Но уж сильно эта разборка была не по правилам. Десять, нет, вместе с медведями вся сотня, на одного – это было вызывающе несправедливо. Отсидеться как мышь я не мог, а если бы смог, то потом бы мучился.

Мне кажется, у каждого в жизни были поворотные моменты, когда он струсил, или не проявил нужного энтузиазма, или реакции, или не сделал нужных действий, проявив слабость или малодушие. Затем долго и упорно себя песочил и устраивал моральные экзекуции. У здорового человека, после таких пыток возникала стойкая прививка от трусливого поведения. Морально нездоровый – лишь убивал свою совесть и становился еще хуже и гаже, превращался в настоящего уродца.

К счастью я пошел по первому пути. Видеть как десяток человек на боевых медведях вот-вот убьют человека и не сделать ничего? Я тогда почувствовал острое ощущение того, что никогда не прощу себе этого, и мне каждый день будет сниться этот бугай, окровавленный и умучиваемый жестокими муками.

Так я, сидя в мрачной темнице, пришел к выводу: я правильно сделал. Лучше быть мучимым физически, чем истязать самого себя морально. Успокоившись окончательно я стал рассуждать как мне выбраться. Вариантов немного – их всего два. Это копать проход сквозь толщу земли. Либо взламывать решетку сверху. Попробовал второй. Но в этих попытках не преуспел: Решетка была метрах в трех от земли, и добраться до нее конечно можно по сопливым, истекающим влагой стенам, но вот что-то сидеть повиснув на решетке, у меня не получилось. У стражников, наверняка более богатый опыт обслуживания

таких клиентов, как я. Уж они то предусмотрели, наверняка, все меры безопасности.

Тогда я стал копать мокрый грунт. Видя, привыкшим к мраку зрением, что по всему периметру ямы таких раскопок множество, я слегка отчаялся. Ну уж точно я не первый пленник сих уз. Мои предшественники, точно так же пытались расковырять неподатливую землю. Интересно какова была их судьба?

Два часа впиваясь пальцами в глинистую плоть земли, я потратил напрасно. Продвинулся лишь на пару десятков сантиметров. Запыхавшись, я присел. Следовало вести себя не как неразумное животное, оказавшееся в клетке, а как мудрый человек.

Нужно как в любом проекте начитать с исходных данных. Что у меня есть: две руки, две ноги, голова, все мои орудия труда отобраны при пленении. Отобраны ли? Я пошарил в своих складках одежды, и обнаружил четыре кольца не замеченных проверяющими. Ничего больше, к сожалению, не удалось обнаружить. Теперь со всем этим печальным скарбом нужно было придумать что делать. Подкупить охраняющих, но я их за все пребывание в яме не видел.

Я крикнул: "Эй собаки, не хотите разбогатеть?". В ответ раздалась только лишь тишина. Видимо захватчики настолько уверены в сохранности своих пленников, что даже не ставят надзорных. Через минут пять сверху донеслось:

– Это ты, тот смельчак, что меня от хашбанов хотел спасти?

Хашбаны? Кто это? Немного не понимая я пояснил:

– Я спасал упавшего с лошади человека, которого преследовали с десяток человек на медведях.

– Значит это ты мой кровный брат! – с воодушевлением воскликнул человек, по звуку находившийся в соседней яме. При этом казалась яма находится где-то очень близко.

– Слушай "брат" пока помолчи, я тебе скажу, когда говорить, – у меня вдруг созрел план.

Я взял четыре кольца и распределил на два сильнейших пальца на каждой руке – указательном и среднем. При этом острыми краями они смотрели от кисти. Сделав их достаточно устойчивыми для земляных работ, я обвязал их щедрыми кусками материи от одежды, так, чтоб при земляных работах, они не слезили с пальцев.

– Брат, скажи мне что-нибудь, – сказал я несколько цинично, пытаюсь определить направление, куда нужно копать.

– Я здесь, брат, – сказал он мне вдохновлено, так как обычно говорят подвыпившие пацаны, после совместной стрелки, рассказывая как били общих врагов.

Я стал энергично копать землю, используя свои пальцы, превратившиеся в инструменты для горных работ. Земля забивалась под ногти, но не так сильно, как если бы я копал голыми пальцами. Я работал будто приговоренный к казни. Да так себя и ощущал. Думал, что вот-вот откроется решетка и меня вытащат на истязание, а может и свалят в большой котел для сытного супа. Я поистине не знал, что ждать от моих пленителей. Поэтому и старался изо всех сил, упрасывая своего названного брата копать в направлении своего голоса. Так мы провозились до рассвета. Ближе к первым лучам солнца, мои пальцы почувствовали мягкость, и проронили стену, которую своими скромными усилиями прокапал мой названный брат.

Теперь же все заключалось в ловкости и силе пленников. Я объяснил спасенному мною силачу, которого звали Пурьгорь, что сейчас ему надо выдавить решетку, стоя у меня на плечах. Я конечно не слишком радовался распределению ролей, но понимал, что атлет, с большей вероятностью снимет крышку ямы, чем рафинированный житель столицы. Его ноги сдавливали плечи и ерзали по суставам, грозясь их вывихнуть под тяжестью веса, но я терпел ради последней надежды спастись.

В итоге решетка поддалась и с шумом отпрыгнула от ямы. Пурьгорь быстро вскарабкался наружу, и протянул мне огромную лапищу. Я её быстро ухватил и уже через секунду был на поверхности. Мощный рыжий парень, показал знакомый знак – палец приложенный вертикально ко рту. Движениями, похожими по своей сноровке с движениям льва, он юркнул из небольшого помещения, где находились еще несколько ям.

Из темного просвета темницы я разглядел лагерь, а может и постоянное стойбище наездников медведей, которых "братишка" назвал хашбаны. С десятков небольших хижин круглой формы опоясывала хиленькая изгородь. С одной стороны деревушка примыкала к речке, а с другой стороны располагалась тайга. Значит он находится значительно южнее того места, где его пленили.

Вокруг не видно было ни души. Тем более не было ни одного охранника, или дозорного на стенах. Такая бездарная система безопасности была только на руку, и я даже потерял бдительность.

Но тут сильная рука вдруг меня схватила и затащила за насыпь возле темницы.

- Тихо! - прошептал голос, Пурьгоря. - Смотри!

Мой взгляд протянулся вдоль его руки, и я увидел странное зрелище. Вокруг костра, располагавшегося в середине поселения стояли его пленители, но не просто стояли, а в каком-то экстазе и едином порыве совершали странные движения. Над ними парили сине-голубые облачка, и каждый тянул к ним руки совершая движения бедрами и плечами. Казалось, они находятся в совершенном катарсисе, поскольку ничего важнее их действия, для них не существовало.

- Быстрее, скоро все закончится! И тогда нам не сдобровать! - Пурьгорь резко рванул меня в сторону и побежал с дивной скоростью в тайгу. Медведи, находившееся в соседнем помещении забеспокоились.

- Давай, давай, сейчас они очнутся, - подбодрил он меня. Но несмотря ни на что, я понял что моя земная подготовка обычного жителя многоэтажного мира не сравнится с дикой, практически первозданной силой моего спасителя. Он пустился наутек с такой скоростью, что мог бы участвовать во Олимпийских играх.

Позади ревели медведи, а затем поднялся крик хашбанов, очнувшихся после своего загадочного действия и обнаруживших пропажу. В чаще поджидал Пурьгорь.

- Ну, что ты какой неповоротливый! - с досадой воскликнул он. Я же хрипел, задыхаясь. Сердце пыталось выпрыгнуть из груди, ноги затекли свинцом и отказывались подчиняться.

Не раздумывая, он закинул меня на плечо и понесся с прежней скоростью, будто лишних 100 килограммов за спиной и не существовало. Сучья, ветки, колючки больно жалили тело. Стаи комаров под предводительством слепней плотным облаком атаковали беглецов. Но все это не обладало такой смертельной опасностью как хашбаны.

Пробежав несколько километров Пурьгорь скинул меня с плеча. Он выглядел лишь слегка уставшим. Я невольно позавидовал его природным данным.

- Передохнем немного, - сказал он, а сам полез на ближайшее дерево. Мощная елка с острыми и колкими иголками покорила ему буквально за пол минуты. Сверху Пурьгорь обзревал округу, пока я, привалившись к дереву отдыхал, почесывал ушибленные и пораненные места, отгонял надоедливый гнус.

- Они отстали от нас на полтора километра, - сказал мне Пурьгорь. - Медведям трудно пробираться с наездниками по такой чаще, так что преимущества в скорости у них нет.

Спустившись он выдрал из земли какое-то растение, очень похожее на осоку, но раза в три толще, очистил его и стал жевать. Второй корень он протянул мне.

- На, держи. Это и еда и вода.

- Спасибо, - я поступил по примеру Пурьгоря. Растение действительно было сочным и сладким на вкус. Как будто огурец посыпали сахаром.

- Миша, расскажи мне, что ты делал в тундре? - "братишка" уставился на меня изучающим взглядом.

- Волею судьбы я оказался в тех краях и долго шел на юг. И затем увидел погоню за тобой.

- Что же тебя подвигло спасти меня, когда ты находился в безопасном укрытии? Ты рисковал жизнью ради незнакомого человека?

- А разве ты на моем месте поступил бы по другому?

– Если бы ты был из моего племени, то да. Но если ты чужак, то зачем рисковать за тебя жизнью? А может ты враг, может номад? А может вообще улун?

– А зачем за тобой гнались хошбаны?

– Хошбаны наши кровные враги. Они разоряют поселения нашего племени, грабят, угоняют женщин, скот, сжигают деревни и посева. Мы собрали силы всех кланов и дали битву хошбанам. Начали их теснить, порубили практически всех, но к ним подошла поддержка от северных ирулов, родственного хошбанам племени. Наши ряды дрогнули, и я решил спасти отступающих от истребления, и со своим кланом я ринулся наперерез врезавшейся в наше войско колонне. За мной устремился отряд хошбанов и мы, отвлекая их от основного войска, умчались прочь, отводя часть опасности от основных сил. По дороге, мы сократили численность противника со ста пятидесяти до десяти человек, но и мой клан уменьшился с сорока человек до меня одного.

Пурьгорь стал грустным. Он опустил взор и умолк.

– Там был мой брат и дядя... Мои друзья... Мои родственники... Мой клан... Мое племя. Что сейчас творится на поле боя? Что стало с нашими поселениями?

Он вдруг резко встал, выпрямился.

– Пошли, нужно быстрее вернуться, – он решительно посмотрел на меня, оценивая. – Беги сколько сможешь, потом я тебя понесу.

Глава 5. Новая семья – новые заботы

Два дня мы добирались до его поселения. Пурьгорь был настоящим следопытом: обнаруживал путь без компаса, оценивал расстояние до погони, находил еду и питье. Большую часть пути я провел у него на плече. Достаточно подготовленный и спортивный, я все таки не мог выдерживать бег по 3-4 часа по пересеченной местности. Уже после часу такого ритма я начинал отставать и мой названный брат закидывал меня как мешок картошки на плечо.

На привалах и ночлегах мы много разговаривали. Я рассказывал о доме, и, дабы не пугать впечатлительного гиганта, говорил о России как об очень далекой стране за двумя океанами. Он, в свою очередь, рассказывал о жизни своего клана и племени, о взаимоотношениях с соседями, о тех странах, о которых слышал от торговцев и путешественников. Его жизнь, вроде бы простая и непритязательная была насыщена интересными и даже таинственными событиями. Некоторые вещи я не понимал, но старался не перебивать рассказчика.

Пурьгорь несмотря на всю свою силу, нечеловеческую выносливость и храбрость, был добрым и веселым человеком. Он никогда не унывал и не жаловался. Типичный сангвиник. Он рассказывал и показывал каких растений стоит остерегаться, а какие можно употреблять в пищу, какие животные опасны, а какие нет.

Речь заходила об увиденных мною тварях, тогда Пурьгорь очень удивлялся, как мне удалось выжить. Уур был известен ему, а вот кродиша он никогда не видел. Уур жил в реках и мог запросто потопить целый корабль. Тварь живущая в ручье была окромоном, очень опасным и быстрым существом, но люди всегда легко определяли его логово по характерным круглым ямам на, с виду обычных, ручьях. Ну а гигантская птичка называлась сельмой, королевой неба тундры.

Пурьгорь был достаточно интересный собеседник, и относился он ко мне действительно по-братски. Его до сих пор удивляло, как я вмешался в погоню хошбанов за ним. Он пояснил, что этот народ крайне свиреп, но слишком рассеянный. Их больше волнуют их духи и погружения в таинственные действия, чем земные дела. Лишь только во времена, когда их не посещают духи, они отрываются на всю катушку: грабят, убивают, насилуют, сжигают.

Ирулы, союзное хошбанам племя, наоборот, более малочисленное и миролюбивое, живущее в горах Мор, приходит на помощь только тогда, когда грозит опасность хошбанам. В другое время они любят торговать, охотится, заниматься скотоводством и рыбной ловлей. И хошбаны, и ирулы, и племя Пурьгорья, Кароги – все терпят частые нападения Номадов – таежных кочевников, совершающих частые налеты с востока. Многочисленное, мобильное и крайне агрессивное племя частенько терзает и племенные объединения и лежащие южнее государства и империи. Они смертельной саранчой проносятся по территориям, сея смерть и разрушения. Их не могут остановить даже цивилизованные страны, частенько полностью разоряемые номадами. Они по

силу лишь мощной Драманской империи, Аранейской конфедерации и, пожалуй, Свободной Куманской республике, сдерживающим поток этих дикарей на страны южнее их на континенте.

Но страшнее их, всех вместе взятых, по словам Пурьгоря, являются Улуны. Их имя является нарицательным, им пугают не только детей, но взрослых. Рассказывая, он как-то даже ссутулился и поник взором, а затем и вообще переменял тему. На мои просьбы рассказать о них, он ответил местным вариантом пословицы "Не тревожь лиха, пока оно тихо".

Так мы выбрались из тайги на открытые поляны, которые перемежались лесом, возвышенностями и каменными породами. Мы старались идти более скрытно, держаться высокой растительности. Заночевали в пещере.

– Я здесь был, – уверенно сказал Пурьгорь, накидывая плотную охапку лапника в дальний угол. – Это окраина владений Карогов. Любой клан окажет нам помощь и поддержку. Здесь можешь быть спокоен, если только...

Его взгляд сделался тревожнее, он явно стремился скорее вернуться на родину, увидеть своих родных, и явно переживал, что произошедшая битва могла бы стать последней для всего племени.

Время перед сном мы провели в молчании. Пурьгорь был мрачен и собран. Таким я его и застал при пробуждении, будто он совсем не спал. В прочих ночевках, его звериный слух сразу же обнаруживал дикого зверя или прочую опасность. Но он словно младенец засыпал спокойным сном, чтоб в мгновение ока пробудиться при опасности. Теперь же он, похоже, не спал всю ночь. Видно было, что ему не терпелось отправиться в путь, но лишь понимая человеческие слабости он позволил мне поспать. Невольно шкала уважения к нему повысилась до максимального уровня.

Теперь уж я бежал из всех сил. Несколько дней изнуряющих тренировок заставили организм приноровиться к новым реалиям и подключить резервы организма. Теперь три из четырех часов бега, перед остановкой на обед и ужин, я пробегал на своих ногах, и лишь падая бессильной куклой, меня подхватывала, казалось неистощимая энергия Пурьгоря, и несла дальше. Мы бежали четыре часа с утра, четыре после обеда, и еще четыре после ужина, чтобы потом уснуть уже в кромешной тьме.

Все тело ныло, хотелось спать, но все же, когда мы в очередной раз забились в огромное дупло дерева, под проливным дождем на ночлег, я задал давно мучавший меня вопрос:

- А как меня примут твои родственники, когда мы доберемся?

- Ты мой названный брат, я никогда не видел столь сильных духом мужчин, готовых умереть за незнакомых людей. Ты будешь славным воином нашего племени, - сказал он настолько возвышенно, что я прослезился малость.

- Спасибо брат, - и первый раз в этом мире я заснул, понимая, что у меня есть кто-то, готовый подставить мне спину в любых обстоятельствах.

На следующий день ближе к вечеру мы добрались до пределов пастбища клана Пурьгоря. Увидев картину сожженного немаленького поселения, он рухнул на колени, и я первый раз увидел на его жизнерадостном лице слезы. Его сотрясали конвульсии ярости и отчаянья.

Я подошел к нему, убежавшему далеко вперед, и похлопал его по плечу. Он, думая что я его поддерживаю, сокрушенно сказал:

- Это место, где я родился и жил. Все мои родственники, отец, мать братья и сестры погибли.

- Брат, все не так печально, посмотри на это.

На земле возле хижин лежали ни в чем не примечательные деревяшки, но, как только я их увидел, сразу понял, что положили их здесь не просто так. На одной из них была надпись "мы", у другого дома "стойбище", у третьего, "река", у четвертого "Омниса", у пятого, "юг", и так далее. Пурьгорь, ничего не поняв, сказал:

- Детские игрушки, я также рисовал в детстве, - его заикающийся от горечи голос все же подавал надежду.

- Это указание выживших. Смотри, хижины обгорели, а табличек, вообще не коснулся огонь. Значит, кто-то решил показать, где они находятся, при том так,

чтоб поняли только члены племени. Их принесли уже после пожара.

– Омниса, да я знаю что это! – в голосе Пурьгоря заискрилась надежда. Он рванулся искать таблички. Нет он их не трогал, ведь не только для него одного они были оставлены, но в итоге мы составили странный набор слов: мы, стойбище, река, омниса, юг, поляна, зог, гора, олений тракт, болото, крыжма, пещера, лодка.

Пурьгорь задумался, мешать ему теперь, а тем более давать советы не зная географии, я не решился, надеясь что он сопоставит неизвестные мне топонимы. Но результата не было, напряженная мысленная работа гиганта не увенчалась успехом.

– Можно тебе помочь?

– Брат, конечно, я вообще не могу понять что за перечисление мест.

– Здесь мы видим имена собственные и имена нарицательные.

– Ты говоришь заклинания?

– Нет, – я улыбнулся его чувству юмора, – Что такое Омниса? Что такое Зог? Что такое Олений тракт? Что такое крыжма? Вот с чем надо разобраться сперва. И что за чем находится. Так мы составим маршрут, по которому сможем добраться до твоего племени.

Головоломки для этих диких мест были непривычной стихией, но какой-то умник все же догадался, зашифровать местонахождение племени. Хошбаны с их крайне скудным интеллектом, практически гарантированно не смогут найти лагерь Карогов.

– Да, – на лице Пурьгоря засветилась надежда. – Побежали быстрее, я понял где они.

Забежав в одну из хижин, как оказалось принадлежащую его семье, он достал из подземного тайника большой лук, средних размеров обоюдоострый крепкий меч, и длинную алебарду. Посмотрев на меня, он кинул последний предмет мне.

- Лови. Умеешь обращаться?

- Видел в кино.

- Где? - его лицо исказило вопросительное выражение.

- Ну это... город такой в моей стране.

Мы побежали вдоль небольшой речушки, располагавшейся с небольшим поселением Карогов. Местность здесь представляла собой сочетание открытых пространств, хвойного леса и скалистых выходов, порой превращавшихся в отвесные утесы. В них можно было разглядеть пещеры, как рукотворные, так и созданные самой природой.

Стараясь бежать под защитой леса, мы все же иногда пересекали обширные луга и поляны. Как я узнал из рассказов спутника, его жестокий мир был полон хищных тварей, которые в своих гастрономических предпочтениях первое место отдавали человечине. Поэтому практически все жители северных территорий были настолько сильны и выносливы. Пасли стада бизонов и яков в сопровождении группы вооруженных мужчин.

Как оказалось, бежали они вдоль реки Крыжмы, далее нужно было свернуть на священную поляну Зог, затем по Оленьему тракту добраться до болота. Перейдя его мы увидели массивную гору, которую называли Омниса. Там в одной из пещер протекал горный ручей, и на лодке нужно было спуститься по нему на юг. Там бы мы увидели их стойбище.

Потратив три дня, и преодолев около ста километров мы увидели широкую поляну на берегу горного ручья.

- Пурьгорь! - разнеслось где-то над головой, с кроны расположенной над гладью воды дерева.

- Антонир! - узнав кричавшего, мой названный брат превратился в буйно помешанного. Антонир, как оказалось брат Пурьгоря, прыгнул в воду и подплыл к лодке. Мне казалось они скорее пытаются задушить друг друга, чем обняться. Антонир был менее высоким, и не таким коренастым как Пурьгорь. К тому же,

его волосы лишь слегка рыжими – более выделялся русый цвет. Но в целом было заметна схожесть этих двух мужчин.

Когда мы вылезли на берег к Пурьгору подбежала целая толпа мужчин и женщин. Он был сыном главы клана, лучшим охотником и бойцом. Его все просто обожали. Из хижины степенной походкой подошел крепко сбитый, но прихрамывающий пожилой человек. Это было отец Антонира и Пурьгоря Зарун. Скупые на слезы и эмоции мужчины радость от встречи всегда выражают через силу объятий.

Наконец, через некоторое время, когда первая волна счастья спала, в клане обратили внимание и на меня.

– Это Миша, мой названный брат, – вдруг вспомнив о моем существовании, сказал присутствующим Пурьгорь. – Он дважды спас мне жизнь. Мы не знали друг друга, но этот отважный человек попытался спасти меня от погони. Затем, когда мы находились в плену у хашбанов, он прорыл тоннель к моей пещере и мы вместе смогли бежать.

Клан состоящий из не менее чем пятнадцати женщин, семерых детей и десятка мужчин восхищенно посмотрел в мою сторону. Мне показалось это таким наивным мелодраматическим зрелищем, ну прям как в индийском кино.

– Брат моего сына и мой теперь сын, – спокойным и уверенным тоном сказал Зарун. – Я рад приветствовать у себя такого бесстрашного витязя!

Сидя за костром Пурьгорь рассказывал о наших злоключениях, о моих путешествиях в тундре. Разинув рты, кароги слушали своего война. Мой названный брат рассказывал все детально, и даже с некоторой долей художественного описания, но правдиво и достоверно. Люди вокруг успевали только восклицать и хлопать широко раскрытыми глазами. Что уж взять с детей природы. Моих современников, воспитанных на голливудских спецэффектах и байках политиков, не пронять такими "обыденными" историями. Но попади в современный мир древний, пусть даже максимально ученый и циничный человек, у него бы сдали нервы от потока информации, заливаемого из каждого утюга.

Нас накормили вкусным мясом бизона, напоили брагой на целебных травах. Мужики стали петь свои заунывные песни, а женщины и дети разбрелись по своим хозяйственным хлопотам. Одна из девушек невольно привлекла мое внимание своей красотой. Светло-русые волосы, четкие и правильные черты лица, голубые, как у Пурьгоря глаза, аппетитная фигура делали её несомненной красавицей. Надо сказать, что почти все женщины в клане были красотками: рыжеволосые или белокурые блондинки, с белой чистой кожей, ровными, как бы выразились земные антропологи, "европейскими" чертами лица. При этом среди них не было толстух.

Но та девушка запала мне в душу. Она тоже украдкой поглядывала в мою сторону с явным интересом. Участок моей личности, ответственный за размножение и общение с женским полом впервые пробудился после долгого периода спячки. Когда над тобой висит опасность, как то не до продолжения рода и романтических отношений.

Но сейчас, когда рядом все спокойно, опасность, по-видимому, миновала, в чреве упокоился добрый кусок сочного мяса и пару литров крепкой браги, мысли о женской ласке стали все больше овладевать мной. Почему бы и мне не завести себе жену здесь, раз уж меня приняли в клан?

Но внутренний голос настойчиво пробивался сквозь пары алкоголя к разомлевшему мозгу: "Наверняка цель книги не в количестве покоренных женских сердец, и уж тем более не в семейной жизни под каблуком местной красотки, десятке шумных спиногрызов, унылом вздыхании в старости о потраченной зря жизни".

Я мотнул головой и как будто отрезвел. Что же тогда? Если моя книга-оригинал это повествование героическое, значит и разгадку нужно искать в героических поступках.

– Пурьгорь, – я толкнул сидевшего рядом "брата", который разговаривал с отцом и Антонином, сидевшими справа от него.

– Да, Миша. Как тебе у нас? Всего ли в достатке? Хочешь ли я приведу тебе девушку, и она утешит тебя сокрытыми от чужих глаз утехами, – Пурьгорь подмигнул, как будто распознав витавшие у меня мгновением раньше мысли.

- Нет... пока. Я вот что хотел спросить. Что вы планируете делать дальше?

- Ну это просто, мы напьемся на радостях, кто-то пойдет спать, кто-то будет долго разговаривать, ну а кто-то соскучился по женской ласке, - он ткнул себя в грудь.

- Нет, я не об этом. Ведь клан спасся от хашбанов, а они возможно преследуют нас. Возможно все их войско сейчас на подступах к нашему лагерю.

- У нас есть вождь, - Пурьгорь обнял отца за плечи. - Он знает как нас защитить.

- Отец, - решил я напрямую обратиться к главе клана. Слово отец я выбрал скорее из-за того, что именно так на земле уважительно окликают мудрого человека, нежели из-за того, что Зарун назвал меня сыном. - Мы с Пурьгорем спасались от погони, как вы считаете, может выставить передовые посты.

- Не волнуйся сынок, на север отправились Арделай и Рудослад, а на северо-запад Ордон и Калис, - Зарун был крепко пьян на радостях, поэтому с него слетела дневная суровость во взгляде. Он даже потрепал меня по уху. - Сегодня наслаждайся всем, чем захочешь. Завтра будем думать, что делать дальше.

Девушка, которая мне понравилась, подошла к Заруну и крепко обняла его.

- Папа, вам принести еще зирики (так называлась убойная травяная брага)? - она сказала эту фразу ангельским голосочком, при этом украдкой стрельнув в меня взором. У меня запорхали бабочки в животе (возможно от бурной пищи и непривычного напитка). Она мне все больше нравилась. Но вряд ли наш "отец" одобрит наши отношения. Конечно кровосмешением здесь и не пахло, но обычно такие суровые отцы крайне придирчивы к выбору суженого для дочери. Ну а если и допустят на вакансию жениха, даже не думай "сдать назад" или разбить сердце красотки: Вендетта тебе обеспечена.

Мой взгляд заметил Пурьгорь, и улыбнулся. Кажется я нашел себе союзника. По крайней мере, все поняв, он не воспринял это "в штыки".

В эту ночь, я ворочался и не мог уснуть. Все-таки это первая ночь в абсолютной (ну или не очень) безопасности. Я выжил после стольких испытаний и, казалось,

обрел свой дом. Но что дальше? В голове одна за одной вызревали мысли дальнейших действий. Ну нельзя было утопать в болоте сытой и безопасной жизни, в которой, как мне казалось, оказался я. Нельзя сидеть на месте. Нужно искать выход в свой мир.

В большой просторной палатке, собранной из шкур животных, навешанных на крепкие брусья, служившие её опорами, ночевало еще человек пять. Кто-то храпел, кто-то неразборчиво разговаривал во сне. На улице догорали последние костры, а было светло уже как днем. Изредка доносились пьяные голоса и женский смех неугомонных гуляк.

Я вышел на свежий воздух из спрессованной атмосферы дыханий и выделений пьяных мужиков. У костра тихо переговаривались Пурьгорь с отцом.

- Миша, - тихо сказал мой названный брат. - Не спиться?

- Отвык я от коллективного сна, - честно признался я.

- Садись к нам, нам нужен твой совет, - сказал Зарун, расправляя шкуру на большом бревне, служившим не очень удобной заменой скамеек возле костра. - Ты чужестранец, из далекой страны, возможно более мудрый, чем мы.

- Вы теперь моя семья, так что всегда можете рассчитывать на меня.

- Итак, с юга нас подпирает Княжество Шаронди, - с надеждой пронзительно смотря мне в глаза сказал "отец". - В свою очередь являясь вассалом могущественной Драманской империи. На севере, за горой Омниса, все наши пастбища оккупировали Хашбаны и их покровители Ирулы. Как донесли разведчики, половина наших кланов было уничтожено, другие спрятались за горами и мыкаются, как и мы среди бескрайней тайги. Правители Шаронди скоро узнают о том, что мы здесь, если уже не узнали, и пройдут огнем и мечом все пространства до горных цепей Градии, в которую входит и Омниса. Эта цепь высоких гор является для "цивилизованных" государств как бы естественной границей, за которой живут дикие, по их мнению, кочевники, во все времена бывшие для них как бы заслоном от нападений номадов. Поэтому они нас и не трогали, даже иногда помогали при нашествиях. Но если хоть один Карог пересекал Градею, он становился рабом Шаронди. Нас отдавали в рабство на рудники, галеры, на самую тяжелую работу, убивали целыми кланами. Вот

сейчас несмотря на праздник, я думаю как спасти наши кланы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ohotin_dmitriy/bremya-sozidatelya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)